

УДК 94(47).044

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В ГОРОДАХ ЮГА РОССИИ В XVII в.¹

ГЛАЗЬЕВ Владимир Николаевич,

доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены особенности организации управления на южном пограничье России в XVII в. Показана роль центральных ведомств и местных учреждений в управлении городами южной окраины. Выявлены формы воздействия населения на власть в изучаемый период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юг России, Черноземье, XVII в., управление, воеводы.

SPECIAL ASPECTS OF THE ADMINISTRATIVE INSTITUTIONS IN THE TOWNS OF SOUTH RUSSIA IN XVII

GLAZIEV V. N.,

Dr. Hist. Sci., Professor, Dean of History Department, Voronezh State University

ABSTRACT. The article reviews special aspects of the administrative institutions at the Southern borders of Russia in the XVII century. The role of central departments and local institutions in town government in the southern suburbs is shown. The forms of the population impact on the authorities in the period under review are revealed.

KEY WORDS: South of Russia, Black Soil region, XVII century, government, military governors.

Юг России применительно к XVII в. – район городов-крепостей «на Поле» первой половины XVII в., городов Белгородского полка второй половины XVII в., примерно соответствующий территории современного Центрального Черноземья. С основанием города-крепости Данкова в 1568 г. российское правительство начало планомерно заселять и осваивать территорию «Поля». С 1585/1586 г. «на Поле» возводились новые российские города-крепости, такие как Воронеж (1585/1586), Ливны (1585/1586), Елец (1592), Курск (1596), Белгород (1596), Оскол (1596), Валуйки (1599), Царев Борисов (1599) [1, с. 16, 105, 188–236]. В 1612 г. Царев-Борисов был разрушен и не восстановлен [2, с. 223], с 1613 г. к числу городов-крепостей «на Поле» стала относиться Лебедянь [3, с. 69].

А.П. Павлов определил последнюю четверть XVI – начало XVII вв. (до 1605 г.) как начальный этап складывания системы воеводского управления в России. Наиболее устойчивым воеводское управление в этот период было в присоединенных к России и пограничных районах: в Поволжье, Сибири, на юге, западе и северо-западе страны [4, с. 239–249].

В разрядных книгах в крепостях «на Поле» в конце XVI – начале XVII вв. отмечались, как правило, воевода и голова. Реже в город назначались два или три воеводы. Как исключение, городом управляли только головы. Эти должности занимали представители государева двора – московские и выборные дворяне, чья служба имела местническое значение и фиксировалась в разрядных книгах. Помощниками первых воевод были вторые воеводы (в разрядах они обычно ставились на втором месте) и головы. Служба второго воеводы считалась «чест-

нее», чем служба головы. Так, в 1595 г. кн. Г. Шаховской «воровством» подал челобитную на кн. И.П. Ромодановского. За это ему было велено быть с последним «в головах, а не в воеводах» [5, с. 100]. Большинство из посланных в «полевые» города вторых воевод и голов принадлежало к числу выборного дворянства. При этом заметную их часть составляли тульские и рязанские служилые люди, что вполне объяснимо, ибо Тула и Рязань вплотную примыкали к «Полю».

Служебные обязанности воевод и голов в «полевых» городах, по сравнению с тульскими и рязанскими, имели свою специфику. В конце XVI в. за Окой, как правило, размещались три полка во главе с полковыми воеводами. Расположение полков зависело от конкретных условий. В окрестные города посылались так называемые «схожие» воеводы и головы. В случае появления вестей о татарах они с подчиненными служилыми людьми должны были сходиться с воеводами большого, передового и сторожевого полков. Например, осенью 1593 г. в большой полк в Тулу предписывалось собираться воеводам из Черни, Новосили, Мценска. В передовой полк в Дедилов – из Рязани, Болхова, Орла. В сторожевой полк в Крапивну – из Михайлова, Пронка, Ряжска. Ряжский воевода отправлялся в сход в том случае, если полки выдвигались в рязанские места [5, с. 70]. Воеводы и головы из городов-крепостей «на Поле» в конце XVI в. в сход к полковым воеводам не выдвигались. В их обязанности входило преследование сравнительно небольших неприятельских отрядов, возвращение захваченного имущества и полона.

Самым распространенным сроком службы воевод и голов в городах Черноземья был один-два года. Случаи более продолжительного пребывания воевод в этих должностях крайне немногочисленны. И.М. Бутурлин около шести лет был ливенским воеводой, И.Т. Кобыakov находился в Воронеже около четырех лет. Некоторые лица служили воеводами в разных «полевых» крепостях, в частности

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 180900313А.

© Глазьев В.Н., 2018

Информация для связи с авторами: bob60_12@mail.ru

И.Ф. Жировой-Засекин последовательно побывал в Ельце, Ливнах и Осколе. Назначение воевод производилось весной или осенью.

Для рязанских, тульских, заозко-брянских, северских городов были характерны традиции самоуправления. В конце XVI – начале XVII вв. в них, наряду с воеводами и осадными головами, действовали в качестве представителей местной власти губные старосты. В 1593 г. указанные грамоты адресовались губным старостам Тулы и Крапивны [6, с. 331–332, 345–346, 371–372]. В 1597/98 г. губные старосты размещались в Стародубе, Крапивне, Рязани, Новосили, Мценске, Лихвине, Козельске, Мещевске [7, с. 14–16]. В росписи войска 1604 г. упомянуты губные старосты Болхова, Орла, Новосили, Мценска, Одоева, Крапивны, Тулы, Рязани, Козельска, Мещевска, Лихвина, Калуги, Боровска [8, с. 78, 79, 80, 81, 84, 85, 86].

В новопостроенных городах-крепостях «на Поле» – Воронеже, Ливнах, Ельце, Курске, Белгороде, Осколе, Валуйках, Цареве-Борисове – губными старостами в конце XVI в. еще не выбирали. Для этого было необходимо существование сложившихся уездов с тяглым населением, способным выполнять губную повинность. Города-крепости в конце XVI в. заселялись стрельцами, казаками, пушкарями и другими служилыми людьми «по прибору». Уезды вокруг «полевых» городов сформировались постепенно.

31 августа 1592 г. елецкий воевода кн. А.Д. Звенигородский и И.Н. Мясной получили распоряжение – отделить землю детям боярским в соответствии с их окладами по реке Сосне и за Сосной, чтобы на отведенных землях елецкие помещики могли строить дворы и распахать землю [9, с. 36, 64–65, 116, 124–127, 179]. Таким образом, образование Елецкого уезда началось сразу после строительства Ельца. Курский уезд, как и Елецкий, по всей видимости, формировался вскоре после строительства Курской крепости в 1596 г. Массовое испомещение детей боярских в окрестностях Воронежа произошло после 1594 г.

По словам воронежского казака Рудака Салманова, опрошенного в 1594 г. в Москве, казакам даны вместо половины жалования угодья вверх по р. Воронеж до р. Излегощи, включая р. Усмань, и по р. Дон от Кривого бору до р. Карасани (Хворостани) [6, с. 390]. Сел и деревень на этой территории, очевидно, еще не было: в сохранившихся документах 1594 г. они не упоминаются, как и не называются имена детей боярских, испомещенных в окрестностях города. Сельские поселения Воронежского уезда возникли после 1594 г. в связи с предоставлением поместий детям боярским. По Дозорной книге 1615 г. одним из помещиков д. Остаповой (Ситной) Воронежского уезда был С.Я. Остапов [10, с. 109]. Населенный пункт назван по фамилии первого поселенца. В 1594 и 1597 гг. С.Я. Остапов еще значился в ряжских десятнях [11, с. 397]. Следовательно, д. Остапова возникла после 1597 г. В 1613 г. она была разорена Заруцким.

Ступень ниже по отношению к перечисленным лицам занимали казацкие и стрелецкие головы и сотники. В нашем распоряжении находятся отрывочные сведения об этих людях. Лишь изредка казацкие и стрелецкие головы попадали в разрядные книги, например, воронежские казацкие головы К.М. Крюков и Б.Л. Хрущев [6, с. 395; 12, с. 462, 481], сопровождавшие строителей Белгорода стре-

лецкие головы И.Д. Лодыженский и Т. Якушкин [5, с. 113].

Стрелецкие и казацкие сотники, городские приказчики присылались в южнорусские города из других мест. Постепенно часть из них получали поместья в уездах «на Поле» и становились местными детьми боярскими. Елецкий казачий сотник Д. Ровеньский в 1593 г. имел поместье в Новосильском уезде, но казацкие сотники С. и М. Хотяинцевы в 1593–1594 гг. были испомещены в Елецком уезде вместе с елецкими детьми боярскими.

В источниках сохранились весьма скудные сведения о городских приказчиках в городах-крепостях «на Поле». Согласно Ряжской десятой 1591 г., ряжский сын боярский Б.С. Вахнеев находился в Воронеже в городских приказчиках [11, с. 307]. Елецкий городской приказчик И. Горяинов в октябре 1592 г. надзирал над караулами на крепостной стене и подчинялся воеводе кн. А. Звенигородскому и голове И. Мясному. По десятой 1604/1605 г., Игнат Андреевич Горяинов – «старый» елецкий помещик с окладом 200 четвертей, денежным 6 руб. [13, л. 64]. По десятой 1622 г., елецким городским приказчиком был Василий Захарович Щуров – елецкий сын боярский с окладом 250 четвертей, денежным 8 руб., поместьем 83 четверти с осьминоей, владелец 2 крестьян и 3 бобылей [14, л. 188 об.].

Одновременно с городским приказчиком в Ельце находился осадный голова. По грамоте из Разряда от 20 июля 1627 г., елецкий осадный голова А. Мишков по болезни был отставлен от должности, елецкие «осадные люди» на время были переданы в ведение воевод до назначения нового осадного головы [15, с. 505]. По боярской книге 1627 г., А.М. Мишков – выборный мценский дворянин с окладом 550 четвертей [16, с. 143]. В Курске в 1614 г. осадным головой был курский дворянин Б. Виднев, городским приказчиком – С. Карманов [17, с. 17].

С последних лет Смуты воронежским осадным головой был дворовый сын боярский П.М. Шишкин, занимавший этот пост около двадцати лет в 1615–1635 гг. В 1621/1622 г. он служил «на коне, в сабли, с пищалью, да за ним конь прост, да человек с пищалью». В 1646 г. П.М. Шишкин являлся самым крупным владельцем крестьянских и бобыльских дворов в Воронежском уезде. Как осадный голова, П.М. Шишкин отдал землю в поместье [18, л. 22–23]. С 1621 г. П.М. Шишкин с ценовальниками собирал с воронежцев натуральный налог – посопный хлеб – в «государевы житницы».

Функции осадного головы и городского приказчика были схожи. В круг их служебных обязанностей входила подготовка города-крепости к возможному нападению неприятеля. Осадный голова и городской приказчик следили за «нарядом» – артиллерией и боеприпасами. В их непосредственном подчинении находились пушкари, затинщики, воротники, казенные кузнецы и плотники.

Должность осадного головы по рангу была выше, чем пост городского приказчика. Функции осадного головы определялись наказами. До середины XVII в. наказы выдавались Разрядным приказом, во второй половине столетия назначение осадных голов в южнорусские города входило в компетенцию Пушкарского приказа.

Осадным головой мог стать как местный дворянин, так и иногородний. Назначение на должность осадного головы рассматривалось как пожалование.

Объем обязанностей осадного головы зависел от местных условий и традиций и от полномочий, определенных наказами и грамотами. Иногда осадные головы решали вопросы, не связанные непосредственно с обороной крепости. Дублирование функций осадных голов и городских приказчиков привело к постепенной ликвидации последних в городах Центрального Черноземья. Исключение составлял Белгород, где во второй половине XVII в. находился городничий.

Н.Е. Носов полагал, что городские приказчики уже в середине XVI в. превратились в выборный дворянский орган [19, с. 163]. Осадный голова, за редкими исключениями, назначался из Москвы. Постепенная отмена выборных городских приказчиков означала усиление контроля центра за жизнью окраинного города-крепости.

Как можно судить по елецким (1592–1593 гг.) и воронежским (1594 г.) документам, в конце XVI в. новопостроенные города-крепости «на Поле» находились в судебно-административном подчинении Посольскому приказу. В 1592 г. глава Посольского приказа дьяк А.Я. Щелкалов разбирает спорные дела об имуществе между помещиками и ушедшими от них в новые города в полковые казаки крестьянами. «И по государеву ... указу и по боярскому приговору елецких голов и сотников казачьих ведает во всем в Посольском приказе», – отмечено в памяти от 12 февраля 1593 г. Распоряжение протскому воеводе кн. И.Ф. Жировому-Засекину от 26 августа 1594 г. о возвращении в Воронеж беглых плотников было направлено из Посольского приказа. Из Посольского приказа в сентябре 1594 г. производилось назначение воеводы в Воронеж вместе с выдачей наказа [6, с. 336, 354, 359, 380, 387].

В июне 1594 г. думный дьяк А.Я. Щелкалов отошел от руководства Посольским приказом, а его место занял брат В.Я. Щелкалов. Суд над воронежским казаком А. Старцевым по иску крестьянина И. Беляева в августе 1594 г. должен был производиться «в приказе дьяка Василия Щелкалова». На обороте грамоты по этому делу помещена запись: «Лист литовский, отдать в Посольский приказ» [20, л. 40, 39 об.]. Из этого следует, что возникновение новых городов «на Поле» рассматривалось в правительстве в контексте отношений России и Речи Посполитой. Воронежские документы, относящиеся к 1594 г. и, вероятно, к 1595 г., в 1626 г. хранились в архиве Посольского приказа [21, с. 260].

Суд в городах-крепостях «на Поле» в конце XVI – начале XVII вв. осуществлялся или в Посольском приказе, или воеводами и головами на местах. Воеводы, головы, сотники имели право суда по имущественным искам и искам о бесчестье. Судебные полномочия возлагались «судимыми грамотами» из приказа. Елецкий казак С. Митрофанов подал челобитную о суде с донковским беломестным казаком А.В. Фроловым донковскому воеводе В.И. Вельяминову. Но воевода не стал судить без грамоты. После обращения челобитчика в Посольский приказ в Данков воеводе была направлена «судимая» грамота с предписанием по суду и по сыску «управу учинить безволокитно». В спорных случаях суд переносился в Москву [22, с. 89, 83–84, 71–72, 242]. Челобитчик мог сразу обратиться в Москву для суда, минуя местные власти.

После Смуты в XVII в. южнорусские города в военном, судебно-административном и податном отношении находились в подчинении Разрядному приказу. Разрядный приказ распоряжался тамо-

женными и кабацкими доходами в городах Черноземья в 1614/15 г. [23, стб. 284–285, 290–292] и позднее до конца 1670-х гг. Разрядный приказ осуществлял назначение воевод, осадных голов, подьячих в города Черноземья, выдавая должностным лицам указы. После 1658 г. в Разряде производилось назначение стрелецких и казачьих голов в города по Белгородской черте. В ведении Разряда находился учет южнорусских служивых людей «по отечеству», определение характера их воинских обязанностей, поместных окладов, денежного жалования. После 1658 г. в распоряжение Разряда перешли стрельцы и полковые казаки из городов по Белгородской черте. Разряд руководил организацией обороны территории Черноземья, его распоряжения касались состояния защитных сооружений, строительства новых крепостей, отражения нападения татар, станичной и сторожевой службы.

Разрядным приказом определялся объем повинностей южнорусского населения, велся контроль за исполнением работ на десятинной пашне, сбором посопного и четверикового хлеба, городским и валовым делом, подводной, струговой и прочими повинностями, которые несло южнорусское население. Разрядный приказ занимался сбором полоняничных денег с городов Черноземья с последующей передачей их в Посольский приказ. В Разряде с доклада царю рассматривались дела о политических преступлениях, обозначаемых как «Слово и дело государево» [24]. Полномочия Разряда распространялись на дела о сыске и возвращении владельцам беглых крестьян и на дела о бегстве посадских людей с посадов. Здесь же осуществлялся суд южнорусских детей боярских, поместных казаков и атаманов, крестьян и бобылей, посадских людей (а с 1658 г. – стрельцов и полковых казаков) по искам о неуплате денег по займам, о бесчестье, о кражах и грабежах. В компетенцию Разряда не входили дела о разбоях, татьбе, убийствах, составлявшие прерогативу Разбойного приказа.

С конца XVI в. ведущей формой в местном управлении Центрального Черноземья являлось воеводское. Воеводы назначались из Москвы Разрядным приказом. В города юга России в качестве воевод, как правило, определяли стольников или московских дворян [25]. Учреждение, которым руководили воеводы, где хранились документы, принимались челобитчики, допрашивались задержанные лица, называлось съезжей или приказной избой. В приказных избах городов Центрального Черноземья на протяжении XVII в., в основном, работало от 2 до 4 подьячих [26].

В последние годы Смуты и сразу после нее в районе «полевых» крепостей возникли органы губной власти – губные избы. В Курске это произошло не позже 1612 г., в Ливнах – не позже 1622 г., в Ельце – не позже 1621/1622 г., в Воронеже – не позже 1625 г. [27]. Основное назначение губных учреждений – борьба с уголовной преступностью. Руководство губными избами осуществлял Разбойный приказ. В 1620–1630-е гг. неизвестны губные старосты в Валуйках, Старом Осколе, Белгороде. В уездах без крестьян или с незначительным крестьянским населением дела о разбоях, убийствах и татьбе были возложены на воевод. Эта практика продолжилась после 1635 г. – губными делами в большинстве новопостроенных городов и в уездах по Белгородской черте занимались воеводы.

С 1635 г. в южном пограничном регионе велось крупное оборонительное строительство, возводились

новые города-крепости, часть из них была соединена непрерывной оборонительной линией – Белгородской чертой. С 1658 г. после образования новой административно-территориальной единицы – Белгородского разряда – область называлась «городами Белгородского полка».

К 1658 г. сформировался Белгородский разряд как административно-территориальная единица. Его центр находился в Белгороде, некоторое время в Курске. Возглавлял разряд воевода Белгородского полка, как правило, в чине боярина или окольного. Одна из крупных фигур на этом посту – князь Г.Г. Ромодановский. Ему подчинялись воеводы городов по Белгородской черте, городов к северу и югу от черты. Главной функцией воевод Белгородского разряда была военная – «бережение от прихода татар». Одновременно белгородский воевода обладал административной и судебной властью в отношении территории Черноземья [28; 29].

Во второй трети XVII в. в связи с крупным оборонительным строительством число городов, сел и деревень на юге России увеличилось. Для верхов дворянства появились новые возможности участвовать в местном управлении. Местных детей боярских назначали воеводами, стрелецкими и казачьими головами в новые города Черноземья.

В города Белгородского разряда воеводы назначались в Разрядном приказе, как правило, сроком на два года. Назначение рассматривалось как награда за длительную полковую службу, раны, пребывание в плену, гибель в боях родственников. Служба в качестве воевод, стрелецких и казачьих голов, приказных людей «пригородов» считалась «корыстной», т.е. позволяла улучшать материальное положение служилого человека. В Разрядном приказе возникали своеобразные «конкурсы» претендентов на должности местного управления [30].

С середины XVII в. на юге России возникло деление административных центров на «города» и «пригороды». «Город» – главный административный центр, возглавляемый воеводой. «Пригород» имел подчиненное по отношению к городу значение. «Пригородами» командовали, как правило, лица рангом ниже, чем воеводы городов. Их называли или приказные люди, или головы. Например, Воронеж имел два «пригорода» – Костенск и Орлов, Козлов – Челнавский и Бельский остроги, Коротоюк – Урыв.

На протяжении второй половины XVII в. происходила борьба руководителей «пригородов» за повышение их статуса. Позицию приказных людей «пригородов» усиливала поддержка населения. Жители «пригородов» также стремились освободиться от подчиненности воеводам «городов», если местные приказные люди их устраивали. В ряде случаев правительство шло навстречу пожеланиям с мест. К концу XVII в. самостоятельность «пригородов» возросла, о чем свидетельствует расширение объема компетенции их руководителей.

Крупной вехой в правительственной политике стал указ от 27 ноября 1679 г., согласно которому власть на местах сосредоточивалась в руках воевод. Другие должности местного управления – губные старосты, горододельцы, сыщики, ямские приказчики, осадные головы, пушкарские головы, засечные головы, головы у житниц, присылаемые из Москвы сборщики денег и хлеба – отменялись. Губных старост и других упомянутых должностных лиц разборщикам предлагалось записать в службу.

В качестве обоснования такой меры называлась необходимость освободить городских и уездных людей от лишних тягостей в содержании управленцев. Губные избы во всех городах надлежало сломать. Губное дело передавалось в ведение воевод. Губные подьячие переводились в съезжие избы [31, с. 219–220].

Отношение к губным старостам, осадным головам, головам у житниц на местах было неоднозначным. Тем не менее реформа 1679 г. ущемляла местное дворянство. Для него пребывание на постах местного управления означало возможность влиять на положение дел в своем уезде, альтернативу воеводской власти. Видимо, эти соображения повлияли, когда правительство Софьи Алексеевны в 1684 г. восстановило губных старост и другие отмененные в 1679 г. должности местного управления.

В коллективных челобитных служилых людей Белгородского полка в конце XVII в. высказывались диаметрально противоположные мнения по поводу губных старост. Мценские служилые люди добивались упразднения воеводской власти в своем городе и сохранения только губного старосты. Ефремовские помещики, напротив, просили ликвидировать пост губного старосты и оставить одного воеводу. Многие зависело от личности губного старосты или воеводы. В столице по этому вопросу велась борьба ведомств – Разряда, выступавшего за сосредоточение всей власти в руках воевод, и Разбойного приказа, стремившегося сохранить губных старост на местах. Петр I поддержал Разряд – в 1698 г. в городах Белгородского полка губные старосты были упразднены, а в 1702 г. это произошло по всей стране [28].

Пограничное положение южнорусских городов и уездов наложило отпечаток на структуру управления. Регион находился под угрозой нападений со стороны Крымского ханства, ногаев, калмыков, Речи Посполитой. Повышенная по сравнению с центральными районами военная опасность вызвала преобладание служилого населения. Главные нити управления регионом в XVII в. были сосредоточены в Москве в Разрядном приказе. Ведущую роль в управлении на местах играли назначенные в Москве воеводы, осадные головы, стрелецкие и казачьи головы, возглавлявшие соответствующие им учреждения. Документооборот осуществлялся подьячими в съезжих или приказных избах, казачьих и стрелецких приказных избах. Во второй половине XVII в. на юге России образовалась новая административно-территориальная единица – Белгородский разряд, включавшая в 1670-е гг. около шестидесяти городов и уездов. В связи с этим сформировалось промежуточное звено управления между московскими приказами и уездами – воеводы Белгородского полка. Работу Белгородской разрядной избы возглавляли назначенные из Москвы дьяки.

Итак, местное общество сохраняло рычаги воздействия на власть. Для борьбы с преступностью сословные группы выбирали из числа местных дворян губных старост. При отсутствии откупщиков, население выбирало таможенных и кабацких голов и целовальников. Посадские люди из своей среды выдвигали земских старост. Отношение к воеводам, приказным людям и головам население высказывало в коллективных челобитных, принимаемых во внимание центральной властью при вынесении управленческих решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Загоровский, В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. [Текст] / В.П. Загоровский. – Воронеж, 1991.
2. Фоминов, А.В. Нерешенные вопросы истории «польских» городов Московского государства: основание Валук и гибель Царева-Борисова [Текст] / А.В. Фоминов // Очерки феодальной России. – М.; СПб., 2013.
3. Гамаюнов, А.И. Лебединь в начале XVII в. [Текст] / А.И. Гамаюнов. – Липецк, 2013 // Исторический квартал : Иллюстрированный научно-популярный альманах историко-культурного наследия Липецкого края. – 2013. – Вып. 3.
4. Павлов, А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.) [Текст] / А.П. Павлов. – СПб., 1992.
5. Разрядная книга 1475–1605 гг. [Текст]. – М., 1989. – Т. 3. – Ч. 3.
6. Анпилогов, Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. [Текст] / Г.Н. Анпилогов. – М., 1967.
7. Разрядная книга 1475–1605 гг. [Текст]. – М., 1994. – Т. 4. – Ч. 1.
8. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г.: Указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа [Текст] / сост. С.П. Мордовина, А.Л. Станиславский. – М., 1979. – Вып. 2.
9. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 гг. [Текст] / подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.Н. Глазьев, Н.А. Тропин, А.В. Новосельцев. – Елец, 2001.
10. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги [Текст]. – Воронеж, 1891. – Т. 2.
11. Сторожев, В.Н. Материалы для истории русского дворянства. I. Десятни и тысячная книга XVI в. [Текст] / В.Н. Сторожев. – М., 1891. – Вып. 1.
12. Разрядная книга 1475–1598 гг. [Текст]. – М., 1966.
13. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 4. Дела десятиен. Д. 86.
14. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятиен. Д. 87.
15. Русская историческая библиотека. Т. 9. Записные книги Московского стола [Текст]. – СПб., 1884.
16. Боярская книга 1627 г. [Текст]. – М., 1986.
17. Ларионов, С. Описание Курского наместничества [Текст] / С. Ларионов. – М., 1786.
18. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 163. Кн. 12287.
19. Носов, Н.Е. Становление сословного представительства в России в первой половине XVI в. [Текст] / Н.Е. Носов // Исторические записки. – М., 1986. – Т. 114.
20. РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1594. Д. 1. Ч. 2.
21. Опись архива Посольского приказа 1626 г. [Текст]. – М., 1977. – Ч. 1.
22. РГАДА. Ф. 141. 1593. Д. 1.
23. Русская историческая библиотека. Т. 28. Приходно-расходные книги московских приказов [Текст]. – М., 1912.
24. Новомбергский, Н. Слово и дело государевы. Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. [Текст] / Н. Новомбергский. – М., 1911. – Т. 1.
25. Глазьев, В.Н. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII вв. [Текст] / В.Н. Глазьев. – Воронеж, 2007.
26. Камараули, Е.В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII в. [Текст] / Е.В. Камараули. – Воронеж, 2009.
27. Глазьев, В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности [Текст] / В.Н. Глазьев. – Воронеж, 2001.
28. Дудина, О.В. Судьи в Белгородском разряде во второй половине XVII в. [Текст] / О.В. Дудина // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. – 2010. – №2. – С. 85–87.
29. Фурсов, В.Н. Создание и функционирование Белгородского разряда как военно-административной и территориальной единицы России второй половины XVII в. [Текст] / В.Н. Фурсов, О.В. Дудина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. – 2015. – №7(204). – Вып. 34. – С. 131–136.
30. Глазьев, В.Н. Порядок назначения городских воевод южного пограничья в конце XVII в. (по материалам Разрядного приказа) [Текст] / В.Н. Глазьев // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 10(126). – С. 86–90.
31. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ) [Текст]. – СПб., 1830. – Т. 2.